

Дела действительно шли весьма неплохо. Замыслам Танкуоля способствовали даже его враги. Та злобная пара, Гурниссон и Ягер, ведомая великолепной прозорливостью Танкуоля, обнаружила логово Вилеброта Нуля и похода остановила его замыслы. Аббат возвратился из внешнего мира в одиночестве, а следов Котла Тысячи Болезней не было обнаружено. Последние несколько дней Нуль провёл, ковыляя хромающей походкой по Подземным Путям, еле слышно бормоча про предателей. Танкуоль захихикал. Было в этом определённое поэтическое правосудие — это аббат замышлял предательство по отношению к Танкуолю и, разумеется, всему сообществу скавенов, которое и явилось причиной его неудачи.

Оказалось, что аббат, возможно, даже оказал услугу силам вторжения, так как агенты Танкуоля докладывали о некоем ужасном заболевании, обрушившемся на людей. Это, разумеется, означало, что при завоевании Нульна количество рабов окажется меньше, и, возможно, тогда настанет время для наказания аббата. Танкуоль мог сфабриковать обвинения для Совета и дать им разобраться с Нулем. «Да, это правильно, — подумал Танкуоль, — в любой сточной канаве может отыскаться искривляющий камень, если ты только знаешь, как его найти».

Он изучал лежащий перед ним план города. Различные пути вторжения были отмечены красными, голубыми и зелёными чернилами на основе искривляющего камня. Они светились перед его глазами блестящими сплетениями и клубками линий. Тут и там были окружностями отмечены места прорыва, где армия будет выходить на поверхность. Абсолютно запутанный сложный лабиринт всего этого вызывал удовольствие в мозгу Танкуоля. Но наибольшее удовольствие он получал от размышления над тем, что произойдёт затем.

В городе будут размещены войска, на случай попыток людей его отбить. Он организует трудовые лагеря и заставит захваченных в плен людей-рабов выкопать большой ров вокруг города. Потом они могут перегородить реку огромным водяным колесом, которое будет обеспечивать энергией машины скавенов и фабрики с тяжёлыми условиями труда. В каком-нибудь месте они возведут громадную статую своих завоевателей, высотой в сотню хвостов, и Танкуолю казалось справедливым, что моделью для статуи должен быть он, так как именно он представляет собой завоевательный дух скавенов. Это будет время славы, первая из множества побед, в результате которых все земли людей окончательно и бесповоротно перейдут под управление скавенов.

Провидец услышал не особо осторожное сухое покашливание снаружи занавесей своего рабочего кабинета. Сиплый голос произнёс:

— Величайший из генералов, это я, Ларк Стукач, и я принёс весьма срочные новости.

Отвлечённый от своих грез, Танкуоль был раздражён, но Ларк совсем недавно доказал, что он ценный прислужник, и его источники информации превосходны. В настоящее время он выглядел немного нездоровым, но Танкуоль был уверен, что это пройдёт.

— Заходи! Заходи! Быстро! Быстро!

— Да! Да! Стремительнейший из мыслителей!

— Что это за срочные новости?

Ларк щёлкнул хвостом. Для Танкуоля было очевидным, что маленький скавен, несомненно, принёс интересную информацию и намерен насладиться своей минутой славы.

— Однажды я взорвал прислужника, который заставил меня ждать слишком долго. Содрал его

плоть с костей.

— Минуточку, терпеливейший из хозяев, я соберусь с мыслями. Потребуется некоторые разъяснения.

— Так объясняй!

— Мой кровный родственник Рузлик служит клану Творцов.

— Допустим. И ты полагаешь, эта информация достойна внимания серого провидца?

— Нет! Нет, проницательнейший из властителей! Дело в том, что он имеет обыкновение становиться болтливым, когда выкушает грибкового винца.

— Понятно. И ты, разумеется, частенько пропускаешь с ним по паре бутылок.

— Да! Да! В действительности, как раз этим утром. Он рассказал мне, что его хозяин, Иzaak Гроттл, готов к воплощению большого плана. Такого, что поставит город людей на колени и..., я не решаюсь продолжать, самый понимающий из скавенов...

— Не сомневайся более. Быстро! Быстро!

— Он утверждает, что план Гроттла принесёт ему великую славу, сделает его более знаменитым, чем, — это его слова, а не мои, хозяин, — чем серый провидец Танкуоль.

Новости о таком вероломном заявлении Танкуоль воспринял без удивления. Подставы завистливых прислужников всегда были бедствием великих скавенов. Гроттл, несомненно, пытается приобрести уважение в глазах Совета Тринадцати за счёт Танкуоля. Хорошо же, серый провидец знает способы разобраться с этим.

— И каков его план? Говори! Говори!

— Увы, дурень этого не сказал. Он всего лишь слышал разговоры членов клана Творцов между собой. Он знает, что это как-то связано с зерновой лодкой, потому что сам возглавлял набег для похищения одной у людей. Других подробностей у него нет.

— Тогда иди и разыщи их. Сейчас!

— Мне могут понадобиться жетоны искривляющего камня на расходы, щедрейший из хозяев.

— Тебе будет предоставлено требуемое — в пределах разумного.

— Я пошёл, хозяин.

Отступая обратно к занавескам, Ларк кланялся и шаркал лапой.

Танкуоль соскользнул со своего трона. Некоторые вещи начали обретать смысл. Он слышал доклады, что одна из зерновых барж людей была украдена. Он посчитал, что это всего лишь какой-нибудь лидер когтя превысил свои полномочия и организовал грабёж в личных целях. Теперь оказалось, что тут был другой, тайный и злобный мотив. Танкуоль понимал, что его положение не будет безопасным, пока он не выяснит, в чём тут дело.

* * *

— Ты мне не нравишься, — произнёс мужчина, сползая вниз со своего стула. — Ты мне действительно не нравишься.

— Ты пьян, — сказал Феликс. — Ступай домой.

— Это таверна! Мои медяки не хуже, чем у остальных. Я иду домой, когда угодно мне. И не принимаю приказов от кого попало, вроде тебя.

— Логично! — сказал Феликс. — Раз так — оставайся.

— Не трать на меня своё красноречие. Я пойду, если захочу.

Феликсу это стало наскучивать. Он и прежде видал пьяниц, вроде этого, — озлобленных и агрессивных, полных жалости к себе, просто напрашивающихся на неприятности. К сожалению, обычно для этого они выбирали кандидатуру Феликса. Они всегда выбирали его, как лёгкую цель. Он полагал, что они слишком боятся Готрека и остальных вышибал. Однако в этом пьянчуге было что-то знакомое. Его грубые черты лица и коренастая мускулистая фигура выглядели знакомо даже в сумрачном освещении этого угла таверны. Он бывал тут несколько раз за те несколько дней, прошедшие с момента возвращения Феликса со встречи с Оствальдом.

— Элисса — моя девушка, — проговорил пьяный. — Тебе следует оставить её в покое.

Ну конечно же, то был деревенский парень, который раньше встречался с Элиссой. Он вернулся.

— Элисса сама в состоянии решить, кого она желает видеть.

— Нет, она не может. Она слишком добра. Слишком легкоуправляема. Любой сладкоголосый хлыщ в красивом плаще может вскружить ей голову.

Феликс понял, какую роль во всём этом отвели ему. Он был бессердечным обольстителем, сбивающим бедную крестьянскую девушку с истинного пути.

— Ты посмотрелся спектаклей Детлефа Зирка, — заметил он.

— Что? Как ты меня назвал?

— Я вообще тебя не называл!

— Нет, называл. Я тебя слышал.

Феликс за милую бы увидел нанесённый удар кулаком. Мужчина был пьян и медлителен. Феликс поднял руку в блоке. От силы удара его предплечье пронизала острая боль. Мужчина был силен.

— Ублюдок! — заорал Ганс. — Я тебе покажу.

Он внезапно лягнул Феликса, которому удар пришёлся в голень. Резкая боль пронзила Феликса. Повинуясь рефлексу, он ударил своей правой, угодив Гансу в челюсть. Это, вероятно, был самый лучший удар, который он когда-либо наносил человеку, который был не в состоянии что-либо с этим поделать. Ганс рухнул как подкошенный.

Толпа вокруг заплодировала. Повернувшись, Феликс иронично поклонился и увидел Элиссу,

смотревшую на него со страхом в глазах.

— Феликс, ты скотина! — произнесла она, проходя мимо него, чтобы положить на колени голову Ганса.

— О Ганс, что с тобой сделал этот варвар?

Просто посмотрев на неё, Феликс понял, что любые оправдания произошедшего будут бесполезны.

* * *

— Я надеюсь, ты разузнал больше о замыслах Творцов?

Танкуоль позволил ноткам своей ярости и нетерпения проявиться в голосе. За последние несколько дней Ларк потратил внушительные суммы из сокровищницы серого провидца, но пока не достиг никаких результатов. Маленький скавен тяжело закашлялся.

— Да, да, проницательнейший из хозяев. Я разузнал.

— Хорошо! Хорошо! Рассказывай — быстро, быстро!

— Дела плохи, снисходительнейший из хозяев.

— Что? Что?

Танкуоль наклонился вперёд и уставился на маленького крысочеловека, наблюдая, как тот дрожит. Немногие могли вынести пристальный взгляд красных глаз серого провидца, когда тот считал подходящим его использовать.

— К сожалению, мерзкие Творцы могли уже ввести свой план в действие.

Холодная ярость стиснула сердце Танкуоля.

— Продолжай!

— Мой кровный родственник подслушал злорадствование погонщика. Похоже, что сегодня ночью зерновая баржа, несущая на себе секретное оружие клана Творцов, прибывает в город людей. И как только она прибудет, город падёт. Он знает, что нечто произойдёт с городскими запасами зерна, но он не понял, что именно. Клан Творцов очень технологичен, и у них есть свои собственные наименования для многих вещей.

— Да прогрызёт Рогатая Крыса внутренности твоего родственника! Он слышал ещё что-нибудь?

— Лишь то, что баржу выкрасили в чёрный цвет, чтобы замаскировать от людского взора, и что она пристанет в самый разгар ночи. Это могло уже произойти, великолепнейший из хозяев.

Мех Танкуоля встал дыбом. Что ему делать? Он мог мобилизовать свои войска и вмешаться, но это означало открытое противостояние клану Творцов, и всё природное чутье, которым обладал серый провидец, восставало против этого. Что, если он призовет свои войска, а им не удастся отыскать корабль? Танкуоль попадёт в смешное положение, и это будет невыносимо. Нельзя тратить время попусту. Он понимал, что ситуация требует безотлагательных и отчаянных мер.

Он порывисто дотянулся до пера и пергамента, и быстро написал сообщение.

— Отнеси это в нору, где обитают гном и человек Ягер. Удостоверься, что они это получили — и быстро! Доставь это лично!

— Л-л-лично, наиболее почитаемый из крысолюдей?

— Лично.

Танкуоль ясно дал понять своим тоном, что не потерпит никаких возражений.

— Ступай. Быстро! Быстро! Беги-торопись! Не трать время попусту!

— Незамедлительно, могущественнейший из хозяев!

* * *

Вилеброт Нуль смотрел слезящимися, полными ненависти глазами. Он прокашлялся, но звук его кашля был незаметен в коридорах на фоне сухого кашля другого скавена. Его терпеливость в конце концов была вознаграждена. Долгие часы залегания в ожидании возле логова Танкуоля наконец окупилась. Каким-то образом Вилеброт Нуль догадался, что за провалом его тщательно разработанного плана стоит серый провидец. Так куда же отправился в такой час мелкий подхалим Ларк Стукач? Аббат знал, что есть лишь один способ это выяснить.

* * *

— Он это начал! — сказал Феликс, слишком хорошо осознавая, что это смахивает на нытьё.

Он оглядел комнату, которую они делили, и взгляд его остановился на свёртке с одеждой, доставленной из лавки. Он ещё не распаковал его.

— Это ты так говоришь, — жёстко произнесла Элисса. — Я думаю, что ты просто забияка. Тебе нравится избивать людей, таких как бедный Ганс.

— Бедный Ганс поставил мне на голень синяк размером с бифштекс! — злобно парировал Феликс.

— Так тебе и надо за то, что ударил его, — сказала Элисса.

Феликс от досады затряс головой. Он уже почти приготовился поскандальить, когда внезапно разбилось окно. Феликс бросился поверх Элиссы, прикрывая её от осколков разбитого стекла. К счастью, на них попало не так много. Феликс перекатился на ноги и обследовал помещение при свете лампы. Что-то тёмное и увесистое лежало на полу.

Он быстро достал меч и ткнул им в это. Ничего не произошло.

— Что это? — спросила Элисса, опасливо поднимаясь на ноги и плотно прижимая к себе ночную рубашку.

— Понятия не имею, — сказал Феликс, нагибаясь, чтобы поближе рассмотреть.

Он смог распознать контуры предмета и полагал, что распознал вещь, которая его оборачивала.

— Это кирпич, завернутый в бумагу.

— Что? Должно быть, это опять граф Штернхельм. Он и его дружки постоянно бьют окна, когда напьются!

— Мне так не кажется, — сказал Феликс, осторожно разворачивая бумагу.

Это был такой же толстый грубый пергамент, на котором были написаны все остальные сообщения скавенов. Он развернул его и прочитал:

Друзья! Чёрный Корабль несёт гибель ваш город! Он придёт ночью и несёт верный смерть! Зло загружен в зерновой баржа! Ви должны это остановить!

Иди БИСТРО! БИСТРО! Ви не имел много время! Они уничтожить ваш зерно!

Феликс поднялся на ноги и начал одеваться.

— Сбегай и принеси мне бумагу! Нужно отправить сообщение во дворец. Давай! Быстрее!

Настойчивый тон его голоса заставил Элиссу покинуть комнату без лишних вопросов.

* * *

Ларк потёр лапы друг о друга и вознёс благодарственную молитву Рогатой Крысе. Его сообщение было доставлено, и он каким-то образом смог избежать смерти от страшного топора гнома. Через несколько минут после того, как он бросил кирпич в окно комнаты Ягера, он увидел, что вся таверна осветилась, а спустя некоторое время гном и человек выбежали из здания с оружием и горящими фонарями в руках.

«Дело сделано», — удовлетворённо сказал он про себя и поднялся, чтобы уйти. Он тяжело шмыгал носом, пытаясь его прочистить. Он чувствовал себя нехорошо, и с каждым днём всё хуже. Он раздумывал, не прицепилась ли к нему неизвестная новая болезнь, ходившая по лагерю скавенов... болезнь, что была так странно похожа на чуму, что обрушилась на людей. Ларк весьма надеялся, что это не так. Он пока молод и ему многое предстоит сделать. И скончаться, не достигнув цели, было бы нечестно по отношению к нему.

Он чуть не упал в обморок, когда на его плечо опустилась тяжёлая рука, и мерзкий голос зашептал ему в ухо: «Рассказывай мне, что ты натворил! Всё! Быстро! Быстро!»

Даже сквозь туго забитые соплями ноздри Ларк распознал тяжёлую вонь Вилеброта Нуля.

* * *

— Что за спешка, человеческий отпрыск? — громко произнёс Готрек. — Мы даже не знаем, куда идти.

— К реке, — ответил Феликс, преследуемый странным чувством срочности дела. В записке говорилось о том, что времени у них немного, а его информатор-скавен ранее никогда им не лгал. — Корабль должен приплыть по реке.

— Я знаю, человеческий отпрыск, но это большая река. Мы не можем обследовать её полностью.

— Это баржа! Здесь очень немного мест, где может пришвартоваться баржа, и она должна пройти по судовому ходу{23}.

Феликс обдумал возможности. Что конкретно может произойти, когда этот „Чёрный Корабль“ причалит, кроме как, допустим, взрыва. Затем его осенило. Огромные склады зерна находились ниже верфей, а в письме упоминалось зерно. По крайней мере, он на это надеялся.

— Зернохранилища, — пробурчал он. — Северные доки расположены рядом с зернохранилищами.

— Тогда лучшая ставка — северные доки, — сказал Готрек, взвешивая на руке топор.

— Ладно, нужно же где-то начинать.

Они перешли на бег. Феликс сильно надеялся, что мальчишка из таверны сумеет доставить его записку графу Оствальду.

* * *

Скитч выругался, когда баржа снова сбилась с курса. Это был не такой корабль, которым умели управлять скавены, и у кормчего было множество неприятностей с коварными течениями на пути вниз по реке. Скитч надеялся, что скоро они доберутся, так как весь план рухнет, если они не достигнут человеческой норы за тёмное время суток. Окрашенная в чёрный цвет баржа, не привлекающая к себе внимания в безлунную ночь, днём будет заметна, как человеческий младенец среди новорождённых крыс.

«Однако, — полагал он, — корабль был необходим». Не имелось другого способа без возбуждения подозрений переправить такое огромное количество образцов по Подземным Путям и выпустить их в городе людей. Он знал, что самая последняя вещь, которой хотелось бы его хозяину — это чтобы люди или серый провидец Танкуоль получили хотя бы намёк о происходящем. Было общеизвестно, что планы соперников Танкуоля имеют обыкновение проваливаться, если тот про них разузнает. Скитч содрогнулся при мысли о том, что может случиться, если люди выяснят, что происходит.

Он покачал головой и вернулся к обследованию своих „вооружений“. Те карабкались по прутьям своих клеток, голодные и отчаянно пытающиеся освободиться.

— Скоро! Скоро! — проговорил он им, ощущая некоторое родство с этими недолго живущими грызунами, которых породил его могучий интеллект.

Скитч знал, что они дефективны, совсем как и он сам. Жить им всего несколько дней.

Корабль продвигался в ночи, всё ближе подбираясь к спящему городу.

* * *

«Ночные доки нельзя назвать ободряющим местом», — подумал Феликс. Свет лился из многих убогих таверн, и множество красных огней освещало переулки. Вооружённые патрули сторожей ходили между складами, но аккуратно избегали входить в те места, где моряки получали своё удовольствие. Они больше были заняты охраной товаров своих нанимателей, чем предотвращением преступлений. Однако Феликс приободрился, узнав, что на случай, если дела пойдут плохо, в пределах окрика находятся вооружённые люди.

Он стоял на краю верфи и вглядывался в реку. В этом месте Рейк был шириною, наверное, с милю и проходим для океанских судов. Немногие из них заплывали так далеко. Большинство торговцев предпочитали сгружать товары в Мариенбурге и отправлять вверх по реке баржами.

Отсюда он мог видеть бегающие огни обеих барж и маленьких яликов, которые перевозили народ через реку до поздней ночи. Он догадывался, что судов там намного больше, чем огней. Не все лодки или их пассажиры желали афишировать свои дела. Феликс предположил, что „Чёрный Корабль“ должен находиться в их числе. Только вместо того, чтобы перевозить груз нелегальных товаров, он везёт какое-то ужасное оружие скавенов. Феликс вздрогнул от предположений, что бы это могло быть. Котёл Тысячи Болезней и вооружение клана Скрайр были уже достаточно ужасны для него.

Дул холодный ветер, и он поплотнее натянул на плечи свой потрёпанный плащ. «Что я тут делаю», — недоумевал он. Ему следует быть дома, в „Слепой свинье“, и пытаться восстановить отношения с Элиссой.

А может, и не пытаться. Может, поэтому он пошёл сюда, избегая Элиссу.

Он прикидывал, куда могут зайти его отношения с девушкой, и не имел конкретных идей. Его словно несло по течению, и он даже не представлял, что у них может быть совместное будущее. Феликс знал, что не любит Элиссу так, как он любил Кирстен. В последнее время он даже не мог сказать, что они дружны. Он думал, что, наверное, и для неё их отношения тоже остались в прошлом, стали чем-то завершившимся. Возможно, ей будет лучше с её деревенским парнем. Он пожал плечами и продолжил вглядываться в темноту, и слушать, как мягко плещутся волны о деревянные сваи верфи.

— Наши маленькие шныряющие друзья выбрали хорошую ночь для своего дела, — проворчал Готрек, делая большой глоток из фляжки со шнапсом.

Феликс посмотрел на небеса. Он увидел, что имел в виду Готрек. Небо было облачным, большая луна выглядела длинной узкой полоской. Меньшую луну было не видно вовсе.

— Луна контрабандистов, — произнёс Феликс.

— Что?

— Мой отец называл подобное состояние лун — „лунами контрабандистов“. И я вижу почему. Темно. В такую ночь акцизным чиновникам тяжело тебя заметить.

— И речным патрулям тоже, — сказал Готрек. — В любом случае, пердёж снотлинга цена тому, как люди видят ночью.

— Допускаю, — сказал Феликс, желая возразить гному, но зная, что в данном случае он прав.

— Да ладно, человеческий отпрыск, просто порадуйся, что здесь гном. Даже несмотря на то, что у него всего лишь один здоровый глаз.

— Это почему?

— Вот он, твой „Чёрный Корабль“! Смотри!

Феликс проследил за указательным пальцем гнома и ничего не увидел.

— Ты перебрал шнапса, — сказал он.

— Ваши люди ещё не сварили пойла, способного спойть гнома, — возразил Готрек.

— Только мертвецки пьян..., — пробурчал Феликс.

— По крайней мере, я не слеп.

— Всего лишь сильно пьян.

— Говорю тебе, там корабль.

Феликс взгляделся в сумрак и начал думать, что, возможно, гном и прав. Там было что-то огромное, нечёткое, неравномерно движущееся по глубокой воде.

— Я верю, что ты прав, — сказал Феликс. — Приношу искренние извинения.

— Побереги дыхание, — сказал Истребитель. — Есть кого прикончить.

— Быстрее! — торопил Феликс, стоя на носу ялика и удерживая взгляд на неясном контуре впереди.

— Быстрее не могу, хозяин, — сказал лодочник, налегая на вёсла со всей энергичностью страдающего артритом дикобраза.

Он был здоровенным мужиком, медлительным и неповоротливым.

— Однорукий может управляться с вёслами быстрее, — сказал Готрек. — В самом деле, спору, что ты будешь двигаться быстрее, если я отрублю тебе одну из твоих рук.

Внезапно лодочник нашёл где-то в себе новые силы и прибавил скорости. Феликс не был уверен, радоваться этому или нет. Его беспокоило приближение к кораблю скавенов на этом мелком судёнышке. Он хотел позвать стражу, но Готрека начала охватывать ярость сражения, и он настоял на том, что не следует терять время. Он заверил Феликса, что суматоха, которую они вскоре поднимут, привлечёт речные патрули.

Феликс не сомневался в его правоте.

Приблизившись, он смог разглядеть, что это действительно чёрный корабль — огромная зерновая баржа, покрашенная в чёрный цвет, быстро плывущая вниз по реке. Он удивлялся, зачем скавены это сделали. Чёрный окрас, разумеется, делал корабль незаметным в ночи, но в светлое время суток баржа будет настолько же приметна, как катафалк в свадебной процессии. Возможно, она путешествовала вниз по реке неокрашенной, и они замаскировали её этим же вечером. Возможно, у них есть тайная база где-то вверх по реке, в пределах ночного перехода. Такая база могла находиться довольно далеко, так как плывущая по течению баржа, вроде этой, могла за ночь покрыть большое расстояние.

Феликс отбросил все эти предположения, как бесполезные. Он знал, что обдумывал это лишь чтобы занять мозг и отвлечься от страха перед приближающейся схваткой.

«Чем они там занимаются на барже», — недоумевал он. Если там не скавены, то это самые худшие матросы из тех, кого он видел. Похоже, сейчас баржа дрейфовала по большому полукругу. Он услышал слабый приглушённый звук барабанного боя, скрипящих и сталкивающихся вёсел. Судя по звукам, были какие-то сложности в управлении судном.

— Всё правильно, это они, — сказал Готрек. — Скавены гораздо более худшие матросы, чем я слышал.

Теперь Феликс мог слышать далёкие чирикающие крики скавенов, и понял, что Готрек был

прав.

К несчастью, лодочник тоже его слышал.

— Вы сказали „скавены“? — спросил он, на его жирном, блестящем от пота лице проявился суеверный страх.

— Нет, — сказал Феликс.

— Да, — сказал Готрек.

— Я не приближусь к барже, на борту которой находятся поклоняющиеся Хаосу чудовища, — заявил лодочник.

— Мой друг всего лишь пошутил, — сказал Феликс.

— Нет, это не так, — сказал Готрек.

Лодочник перестал грести. Готрек уставился на него.

— Я ненавижу лодки почти так же, как ненавижу деревья, — проговорил он. — И я ненавижу деревья почти так же, как ненавижу эльфов. А особенно я ненавижу людей, из-за которых я нахожусь в лодках дольше, чем нужно, в то время как есть чудовища, которых нужно расколошматить и уничтожить.

Лодочник побледнел и притих, а Феликс был почти уверен, что слышит, как тот стучит зубами.

Готрек продолжил изрекать:

— Ты будешь управлять этой лодкой, пока мы не приблизимся к этой барже крысолюдей, иначе я оторву тебе ногу и забью ей тебя до смерти. Я ясно объясняюсь?

Феликс вынужден был признать, что угроза в голосе Готрека прозвучала абсолютно убедительно. Несомненно, лодочник подумал о том же.

— Предельно ясно, — ответил он и начал работать вёслами с удвоенной скоростью.

Когда они приблизились к чёрной барже, Феликс обнаружил ещё одну проблему. Их ялик имел низкую осадку на воде, а у баржи были высокие борта. Если бы они находились на суше, на них можно было бы попросту вскарабкаться, но учитывая, что оба судна двигались и раскачивались на воде, это было делом невозможным. О чём он и сообщил Готреку.

— Не беспокойся, — произнёс Истребитель. — У меня есть план.

— А вот теперь я забеспокоился, — пробормотал Феликс.

— В чём дело, человеческий отпрыск?

Истребитель всё больше походил на неистового берсерка.

— Ничего, — ответил Феликс.

— Просто возьми фонарь и будь готов действовать, когда я тебе скажу.

Ялик вошёл в соприкосновение с баржей. Как только это произошло, Готрек нанёс сильный удар топором в борт баржи. Тот вошёл глубоко и застрял, а Готрек воспользовался этим, чтобы подтянуться на нём и достать до иллюминатора.

— Весьма скрытно, — недовольно сказал Феликс. — Почему бы ещё не прокричать сердечные приветствия, раз уж ты там.

Ещё один сокрушающий удар и Готрек оказался на палубе судна. Он постоял там мгновение, а затем лезвием вперёд опустил топор вниз.

— Хватайся и держись, — проревел он.

Феликс подпрыгнул и правой рукой ухватился за рукоять топора, держа в другой фонарь. Без видимых усилий, несмотря на вес Феликса и неудобный угол, Готрек одной рукой потянул топор, поднимая его вперёд и вверх. Он перемахнул топор вместе с Феликсом через борт судна. Феликс свалился на палубу, изумлённый невероятной силой, только что продемонстрированной гномом.

— Похоже, нас обнаружили, — произнёс он, кивая головой на массу скавенов, заполняющих палубу.

— Хорошо, — сказал Готрек. — Мне нужна небольшая тренировка.

* * *

«Что это было?» — удивился Скитч. Он услышал жуткий треск и звук расщепляющегося дерева. Эти шуты снова умудрились посадить баржу на мель? Они не могли пройти мимо неё? Они заявляли, что являются опытными матросами и управление кораблем людей не составит им труда. До сих пор это не подтверждалось.

Если они поставят под угрозу это задание, Изаак Гроттл разорвёт всех на части и проглотит их внутренности у них на глазах, но подобные мысли не утешали Скитча. Он знал, что станет первым блюдом на карательном пиршестве мастера-погонщика.

Когда слышались тревожные пiski команды, Скитч понял, что произошло нечто более худшее, чем выброс на мель. Они обнаружены патрулем людей. Он проклял невезение, из-за которого люди смогли их обнаружить. То должен был быть один шанс на миллион. Ведь хотел же он взять с собой нескольких крысоогров. Но не сделал этого из страха, что их рёв и мычание выдадут местонахождение корабля, однако сейчас оказалось, что это не имеет значения.

Ему захотелось выпрыснуть мускус страха, но присмотр за образцами был на его ответственности. Скитч выбежал из каюты в трюм. Вокруг него в своих клетках метались крупные крысы, отчаянно желающие освободиться и поесть. Видя во взгляде их глаз дикий голод, Скитч порадовался, что покрыл себя смазкой болотной жабы — веществом, которое, как он знал, его создания находили отталкивающим.

Слыша сверху звуки ужасной бойни, Скитч принялся быстро открывать клетки. Голодные крысы устремились вверх по трапу, продвигаясь по направлению к своей живой и дышащей пище.

* * *

Феликс взмахнул фонарём. Его пламя ярко вспыхнуло, когда он пронёсся в воздухе. Стоявший перед ним скавен отскочил назад, на мгновение ослепнув. Феликс воспользовался его замешательством, чтобы проткнуть ему глотку своим мечом.

Палуба под ногами уже была скользкой от крови и мозгов. Истребитель оставлял за собой внушительный след разрушения. Его топор превратил дюжину скавенов в искалеченные трупы. Остальные убегали от него назад или прыгали за борт баржи. Феликс двигался за ним, убивая тех, кто пытался напасть на гнома с фланга, и прекращая страдания умирающих.

Сердце его гулко билось в груди. Рукоять меча в его руке была влажной от пота, но он не испытывал страха, какой обычно бывает в смертельном поединке. В сравнении с другими боями, в которых ему довелось участвовать, этот был относительно лёгким. Что было подозрительно, учитывая тот факт, что на борту судна предположительно находилось некое ужасное оружие скавенов.

«Вряд ли относительная лёгкость сражения имеет какое-либо значение», — думал он про себя, уворачиваясь боковым отскоком от ножа, брошенного одним из скавенов-матросов, и делая резкий выпад вперёд, чтобы поразить другого крысочеловека в сердце. Всего один удачный удар, и он будет столь же мёртв, как если бы его разорвал на мелкие части крысоогр.

«Сконцентрируйся», — приказал он себе, и тут же застыл в ужасе, когда волна мохнатых фигур начала выползать из трюма.

* * *

Скитч, крадучись, поднялся по лестнице и оглядел место ужасного побоища. Уродливый коренастый гном с огромным топором перебил половину команды и, похоже, намеревался добить остальных. В этом ему помогал высокий человек с белыми волосами, держащий в одной руке фонарь, а в другой опасно выглядящий клинок. Вокруг крысы-убийцы обгладывали тела мёртвых и умирающих скавенов.

Скитч замер на месте и испустил мускус страха. Его лапы удерживали последнюю клетку, в которой обезумевшие крысы изо всех сил старались отстраниться от вони смазки на его меху. Скитч узнал двоицу, которая вторглась на корабль. Они стали чем-то вроде страшной легенды среди скавенов, осаждавших Нульн. Это была грозная пара, которую не смогли уничтожить даже диверсанты; которая перебежала дорогу техномагам Скрайра; которую, как говорили, даже серый провидец Танкуоль опасался повстречать снова. То были грозные истребители скавенов — и вот они здесь, на этой самой барже!

Скитч не был воином и знал, что ничем не может помочь собратьям-скавенам в идущем наверху сражении. Возможно, даже крысы-убийцы не смогут взять верх над этими двумя, казавшимися непобедимыми. Совершенно ясно, что долг требует от него сбежать с последними из выживших крыс, чтобы сохранить их для возможного использования в будущем.

Подумав так, он поднял клетку высоко над головой и прыгнул в тёмные как ночь воды.

* * *

Феликс наблюдал, как всё больше и больше огромных крыс вылезает из трюма. Его пугал голод и безумие в их взглядах, и он подумал, что, может быть, это и есть секретное оружие скавенов. Один крупный злобный зверёк бросился на него. Он почувствовал неприятное суетливое прикосновение лап к своей ноге. Он взмахнул ногой, стряхнул и придавил зверька, чувствуя, как ломается спинной хребет под пятой его сапога.

Он оглянулся на Готрека. Истребитель обезглавил ещё одного скавена из команды судна, вызвав извержение в воздух большого фонтана чёрной крови. Труп скавена ещё не ударился оземь, как на него накинулись толпы крыс.

Что-то сверху свалилось на Феликса. Он почувствовал лапы, скребущие по его голове и маленькие острые зубки, кусающие его ухо. Противный животный запах заполнил его ноздри. Он бросил фонарь и сорвал крысу, ощущая как под шкурой извиваются мышцы. Когда он выбрасывал существо за борт в реку, клыки прокусили его пальцы.

Всё больше и больше крыс падало сверху или набрасывалось с палубы. У него возникло чувство, будто он находится в центре вихревой воронки из меха. Готрек топтал, рубил и пинал, но находился практически в такой же ситуации. Крысы были слишком злобны, и их было слишком много. Если они останутся, то умрут мучительной смертью от тысяч укусов.

— Сдаётся мне — подобная смерть не для Истребителя! — прокричал Феликс.

— Подожги это проклятое плавающее крысиное гнездо!

— Что?

— Подожги его, и сматываемся отсюда!

Феликс посмотрел вокруг и заметил фонарь. Он поднял его и со всей силы бросил на палубу. Горящее масло брызнуло во все стороны. Феликс частенько слышал от отца, как опасен огонь на корабле. Помимо всего прочего, корабли сделаны из дерева, а щели промазаны горючей смолой. Феликс никогда не думал, что будет благодарен этому факту, но сейчас именно это и произошло. Вокруг него начало вспыхивать и танцевать пламя.

До его носа донёсся запах горячей плоти и меха. Пищащие крысы носились повсюду, их мех тлел и вспыхивал, когда они пытались спастись от жгучего огня. Некоторые прыгали за борт и врезались в воду подобно маленьким живым метеорам. Другие продолжали атаковать с удвоенной силой, словно собрались, помирая, прихватить с собой кого-то ещё.

Феликс решил — это намёк на то, что пора убираться.

— Пора уходить! — прокричал он.

Обратной волной жара от пламени ему опалило волосы и брови.

— Да, человеческий отпрыск, думаю, ты прав.

Феликс убрал меч в ножны, повернулся и перепрыгнул через борт. Он упал воду, а вокруг него падали крысы. После жара на горящем корабле было чуть ли не облегчением ощутить шок от сомкнувшейся над его головой холодной воды. Он вынырнул, и его голова оказалась на поверхности.

Феликс видел, что кругом находятся лодки, привлечённые видом огня. Сражаясь с весом ножен, он направился к ближайшему судну.

* * *

Насквозь промокший Феликс угрюмо и настороженно сидел на верфи. До сих пор не было никаких признаков Истребителя. Он не видел Готрека с момента своего погружения в воду. Он

сомневался, умел ли гном плавать. Даже если и умел, то не мог ли он утонуть, пытаясь удержать свой любимый топор? Это была бы совсем не та славная смерть, к которой стремился гном.

Одежда Феликса была мокрой, и зубы начали стучать от холода, но он продолжал сидеть, мечтая о том шнапсе, что ранее поглощал Готрек. Феликс размышлял об оружии скавенов, якобы находившемся на борту чёрного корабля. Он понимал, что теперь вряд ли узнает, что это было. Баржа стала сгоревшим остовом, упокоившимся на дне реки. Лодочники, подобравшие его, находились на середине реки и наблюдали за пожаром перед тем, как отвезти Феликса на берег за пригоршню серебра.

Феликс осторожно поглядел направо — неподалёку раздался слабый хлюпающий звук. Одна из огромных голодных крыс тоже сбежала с корабля. Она вскарабкалась по трапу на пристань, по-собачьи отряхнула мех от воды и побежала на верфь. Феликс смотрел, как она удаляется.

Феликс почти решился снова найти лодочников и приступить к розыскам Готрека на реке. Он понимал, что эти усилия бесполезны — Рейк слишком широк, и течение сильное. Если Истребитель утонул, то его тело, несомненно, через какое-то время будет выловлено и выставлено для опознания на Старом Мосту, ожидая вместе с остальными, принесёнными рекой, когда кого-нибудь придёт и заявит на них свои права. Завтра Феликс сможет там проверить.

Он устало поднялся со сваи причала, на которой сидел, и приготовился к долгой прогулке до дома. Поднявшись, он уловил взглядом знакомую фигуру, бранящую столь же знакомого лодочника, который грёб в сторону пристани. Феликс приветственно помахал.

— Течение унесло меня вниз по реке, — крикнул Готрек, выбираясь на верфь. — Прямо вот на нашего старого приятеля. Возвращение заняло большую часть ночи.

— Шли против течения, — сказал усталый лодочник.

Феликс вряд ли когда-либо видел более усталого человека и к тому же сильно напуганного. Феликс мог предположить, какого рода угрозы использовал Готрек, чтобы мотивировать его.

— Ладно, — сказал он, — давайте вернёмся в „Свинью“ и выпьем пива. Полагаю, мы это заслужили.

— Простите меня, что не присоединяюсь к вам, — сказал лодочник. — И... остался небольшой вопрос, касающийся моего вознаграждения.

* * *

Замёрзший, мокрый и перепачканный Скитч наконец-то добрался до Подземных Путьей. Это была воистину ужасная ночь. Он плыл в холодной воде, таща на себе последнюю клетку с крысами. Потом он бежал по берегу реки, пока не нашёл канализационный сток, а затем оставшуюся часть ночи скитался по туннелям, пока не обнаружил знакомый запах скавенов. Во тьме, уклоняясь от человеческих патрулей, след в итоге привёл его сюда.

Скитч был горд собой. Он справился с долгим и сложным путешествием. Он потерял свои линзы и едва видел, но всё же сделал это, и ему удалось сохранить клетку, полную дорогих ему образцов. Ещё лучше то, что в клетке находятся несколько беременных самок, так что он легко может начать всё сначала. Крысы вроде здоровы. Прямо сейчас они показывают признаки беспокойства. «Это потому, что они чувствуют еду», — понял Скитч. Он находился вблизи

хранилищ, где держали припасы для великой армии вторжения.

«Теперь нужна лишь подходящая причина, чтобы объяснить часовым своё дело, — подумал он. — Довольно просто, он лишь скажет, что принёс еду для Изака Гроттла. Любой из тех, кто знает мастера-погонщика, поверит этому».

Идея вызвала у него смех. Он всё ещё хихикал, когда его полуслепые глаза не заметили камень перед ногой, и он, споткнувшись, неуклюже растянулся в грязи. Клетка выкатилась из его лап. Повреждённый замок щёлкнул, и она раскрылась. Крысы-убийцы выскочили наружу и понеслись в сторону хранилищ скавенов.

Скитч застонал. Он понимал, какие последствия это сулит. Скоро голодным окажется не только Иzaak Гроттл.

<http://tl.rulate.ru/book/2491/47024>